

Нет автора

Русское слово

1862. 1

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Русское слово: 1862. 1 / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 514 с.

ISBN 978-5-458-02982-7

ISBN 978-5-458-02982-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

- ✓ БАТЬКА (разсказъ). А. Θ. ПИСЕМСКАГО.
- ✓ АРИНУШКА (повѣсть часть первая). А. Г. ВИТКОВСКАГО.
Пилигримъ (стих.). АЛЬБИНА ШОТРОВСКАГО.
- ✓ ВЪ КАЮТЪ—КОМПАНИИ (изъ путевыхъ воспом.). С. М. МАКСИМОВА.
- ✓ ВЛЮБЛЕННЫЙ ЧОРТЪ. А. П. СТОРОЖЕНКИ.
- ✓ ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ. Д. Л. МОРДОВЦОВА.
* * (стих.). А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.
- ✓ РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ЖИЗНИ УЗДНАГО ГОРОДА. Н. И. ВОРОНОВА.
Ночь Гелиогабала (стих.). В. Д. ЯКОВЛЕВА.
Письмо изъ провинціи. N. N.

ОТДѢЛЪ II.

ПОЛИТИКА. ОБЗОРЪ СОВРЕМЕННЫХЪ СЪБЫТІЙ.

Внутреннее состояніе Франціи въ теченіи минувшаго года.—Политика императорскаго кабинета.—Расширеніе централизаціи: графъ Валевскій и Виконтъ Серрюрье.—Распоряженіе г. Персянья. Обманутыя надежды журналистики.—Отзывъ г. Геру касательно закона о подписяхъ.—Министерство Фульда и его финансовыя мѣры.—Самозванецъ Помаръ и демократъ Абу.—Положеніе дѣлъ въ Италіи.—Бандиты подъ эгидою папы.—E viva l'Italia unai—Рикасоли, преемникъ Кавура.—Симптомы итальянскаго соединенія.—Трагическое положеніе Испаніи.—Заблужденіе королевы насчетъ экспедиціи въ Санъ-Доминго и Марокко.—Мексиканскія дѣла.—Претенденты.—Народныя волненія и ультрамонтаны.—Португалія.—Швейцарія.—Перечень событій въ Германіи.—Скандинавскій вопросъ.—Турція.—Напрасныя попытки реформъ, предпринятыхъ Абдуль-Азисомъ. Гдѣ корень турецкой болѣзни? Молдаво-Валахское соединеніе.—Английскія колоніи и смерть принца-супруга.—Трудное положеніе Америки.—Вопросъ о невольничествѣ.—Общій взглядъ на событія 1861 года. ЖАКА ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. МОСКОВСКІЕ МЫСЛИТЕЛИ

(критическій отдѣлъ Руск. Вѣстн. за 1861 годъ).

Д. И. ПИСАРЕВА 1. ✓

- Чему и какъ мы учимъ народъ. 1) Первое чтеніе для крестьянскихъ дѣтей, составленное теткой Настасьей. Москва. 1861. 2) Хрестоматія или избранныя статьи для народнаго чтенія. Москва. 1861. 3) Досужное чтеніе, пригодное для каждаго, составленное В. Золотовымъ. С. Петербургъ. 1862. 4) Воспоминанія о геройской защитѣ Севастополя и очеркъ Крыма. С. Петер. 1861. Р. Р. 31.
- РАЗСКАЗЫ Н. В. УСПЕНСКАГО. С. Петербургъ. 1861. " "
- В. К—СКАГО 40. ✓

- ✓ **РУССКИЙ ЧИНОВНИКЪ И УЧЕНЫЙ ПЕТРОВСКАГО ВРЕМЕНИ.**
 (В. Н. Татищевъ и его время. Эпизодъ изъ исторіи государственной, общественной и частной жизни въ Россіи первой половины прошедшаго столѣтія. Сочиненіе Николая Попова. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Москва. 1861). **И. И. ШИШКИНА.** 47.
- Ложныя и отреченныя книги русской старины. Объясненія къ «памятникамъ древней русской литературы», вып. А. Н. ПЫПИНА** 75.
- ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.** Христіанская церковь и общество въ 1861. Гизо. (L'eglise et la société chrétienne en 1861, par M. Guizot. В. П. ПОПОВА. 1.
- Львиная лапка, разсказъ Бертольда Ауэрбаха.** (Edelweisz, eine Erzählung von Berthold Auerbach). 18.
- DER HERZOG VON GOTHA UND SEIN VOLK. EIN AUFSATZ VON EDUARD SCHMIDT-WEISSWEFELS, NEBST EINEM ANTWORTSCHREIBEN DES HERZOGS ERNST VON SACHSEN-KÖBURG-GOTHA.**
- Герцогъ Готскій и его народъ; съч. Шмидта-Вейсвельса съ присоединеніемъ отвѣта герцога Эрнста Саксен-Кобургъ-Готскаго. Лейпцигъ. 1861.** 26.

ОТДѢЛЪ III.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Передъ новымъ годомъ.—Общее настроеніе и московскій мѣстофель.—Нашъ праздничный взглядъ на вещи и на наше будущее.—Наша легковѣрная забывчивость и не вниманіе къ исторіи прошлаго года.—Смерть, какъ примирительница.—Прошлый 1861 годъ передъ судомъ потомства.—Его перлы и аэролиты.—Откупная вакханка и ея послѣдняя пляска.—Добровольное опустошеніе петербургскихъ трактировъ.—Куда дѣвалась водка? — *Ночной гость* (еще свѣжее преданіе) стихотвореніе.—Андрей Ивановичъ Кронъ и *что о ядовитомъ пивѣ*.—Открытіе г. Шмидта.—Элегія мрачнаго любовника.—Два слова о нѣкоторыхъ *невинныхъ* явленіяхъ нашей общественной жизни.—*Передовые и задніе люди*.—Протестъ Петербургскихъ врачей и изгнаніе женщинъ изъ медицинскіа академіи.—Лучшій примѣръ того, что женщина не можетъ быть докторомъ.—Стѣсненія брака и его оригинальные противники.—Г. Мердалль съ своей «системой нестѣсненія».—Чинъ штабсъ-капитана, какъ дипломъ названія жениха.—Легкость взглядовъ и тяжесть «вопросовъ». — Мое содроганіе передъ восклицательнымъ знакомъ.—Гѣте и Катковъ и ихъ мнѣніе о сплетняхъ.—Аглицкая соль Русскаго Вѣстника и аттическія города Котлинска.—Закусываніе удиловъ Котлинскаго Квазимодо.—Городъ Приволжскъ и его стоячая вода.—Приволжскъ и пятидесятилѣтній юбилей не князя Вяземскаго.—*Оцельтотвореніе* господъ чиновниковъ.—Экономъ и—его неэкономическое признаніе.—Судъ клубныхъ жрецовъ и торжество невинности.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОВЪ (за январь) В. М. МИХАЙЛОВА.

БАТЬКА.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Я, какъ теперь, вижу передъ собой нашу голубую, деревянную гостиную. На среднемъ столѣ горятъ двѣ свѣчи. На одномъ концѣ его сидитъ матушка, всегда немного черная, въ накрахмаленномъ чепцѣ и воротничкахъ, и съ чулкомъ въ рукѣ. Отвротясь отъ нее, сидитъ на другомъ концѣ покойный отецъ. Онъ, видимо, въ дурномъ расположеніи духа и безпрестанно закидываетъ въ сторону, на печку, свои сѣрые, на выкатѣ глаза. Я..... мнѣ всего лѣтъ 12..... забрался въ углу на мягкое кресло и сижу погруженный въ невѣдомыя самому для меня мысли. Прямо противъ меня отворенная дверь въ залу. Оттуда только и слышится, что ровное пощелкиваніе маятника стѣнныхъ часовъ и навѣваетъ на васъ чѣмъ то грустнымъ и печальнымъ. Вдругъ раздастся тихій скрипъ половицъ. Не знаю отъ чего у меня какъ-то болѣзненно замерло сердце. Это входилъ, своей осторожной походкой, нашъ, самый богатый изъ всей вотчины, Ожгинскій мужикъ Михайло Евпловъ, старикъ самой почтенной наружности, всегда ходившій нѣсколько брюхомъ впередъ, съ низко-низко опущенной пазухой, совсѣмъ ужъ сѣдой, съ густо нависшими бровями и съ постоянно почти опу-

Отд. I.

1

ценными въ землю глазами, всегда съ расчесанной головой и бородой, всегда въ чистомъ решменскомъ кафтанѣ и не въ очень грязныхъ сапогахъ. Даже руки у него были какія-то бѣлыя, нѣжныя, покрытыя только небольшими веснушками, точно онъ никакой черной работы даже и не работалъ. Будучи верстъ на тридцать единственнымъ мяснымъ торговцемъ, Михайло Евпловъ врядъ-ли въ околдкѣ былъ не извѣстнѣе, чѣмъ мой покойный отецъ, такъ, что тотъ иногда въ шутку говаривалъ своимъ знакомымъ: «честь имѣю рекомендоваться, я Михайла Евплова баринъ.»

Въ нашемъ небогатомъ деревенскомъ хозяйствѣ, сколько я теперь могу припомнить, Михайло былъ рѣшительно благодѣтельнымъ геніемъ: случалась-ли надобность отдать въ работники пьянчужку-недоимщика, Михайло Евпловъ бралъ его къ себѣ и ужъ выжималъ изъ него коку съ сокомъ, приходила-ли нужда въ деньгахъ, прямо брали ихъ въ займы у Михайла Евплова, нужно-ли было отправить рекрутство, подать ревизскія сказки, Михайло Евпловъ ѣхалъ, хлопоталъ, исполнялъ все это аккуратнѣйшимъ образомъ, не получая себѣ за то никакого возмездія, а напротивъ того, платя чуть-ли еще не въ полтора раза болѣе противъ другихъ оброка. На этотъ разъ, въ слѣдъ за нимъ, вошелъ сынъ его Тимка, совсѣмъ рабочей малый, лѣтъ 22-хъ, подслѣповатый, нескладный, словно изъ какого-нибудь сучковатаго дерева сдѣланный и съ годъ передъ тѣмъ только что женившійся. Батька, говорятъ, лѣтъ еще съ десяти началъ заставлятъ его бить скотину и теперь постоянно мѣрморячилъ на работѣ. Войдя въ комнату Тимка прямо, не поднимая ни головы, ни глазъ и какъ-то механически поклонился матушкѣ въ ноги. Та потупилась и повела только рукою, желая тѣмъ показать, чтобы онъ этого не дѣлалъ. Тимофей перешелъ и поклонился отцу въ ноги. Тотъ отвернулся отъ него и окончательно закинулъ глаза на потолокъ.

— Что, поучили? спросилъ онъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

Тимофей ничего не отвѣчалъ, а молча отошелъ и всталъ нѣсколько поодаль отъ батьки.

— Поучили, кажется, хорошо... Незнаю только пойметъ ли то, проговорилъ Михайло Евпловъ грустнымъ тономъ.

— Это за то тебѣ... продолжалъ покойный батюшка: (голосъ его не переставалъ дрожать), за то, что не смѣй поднимать руки на отца. Неправъ онъ, Богъ съ него спросить, а не ты...

Михайло Евпловъ вздохнулъ на всю комнату.

— Мало они что-то это разумѣютъ... въ каждомъ пустякѣ только и ладятъ, что нельзя-ли какъ отцу-то горло переѣсть... сказалъ онъ и еще грустнѣе склонилъ голову на сторону.

— Ну, Михайло Евпловъ, вышпалась въ разговоръ ужъ матушка, трудно тоже, какъ и тебя посудить: старшій сынъ у тебя охотой въ солдаты пошелъ, второй спился да головой вершилъ, наконецъ и съ третьимъ тоже выходить?

На послѣднихъ словахъ она развела въ недоумѣніи руками.

Лицо Михайла Евплова сдѣлалось окончательно умиленнымъ.

— Ай, матушка, Авдотья Алексѣевна, воскликнулъ онъ почти уже плачущимъ голосомъ, на все тоже Божья власть есть: кто въ дѣтяхъ находитъ утѣшенье, а кто и печали... Вы сами имѣете дитя: какъ знать, худъ-ли, хорошъ-ли онъ супротивъ васъ будетъ.

Матушка вспыхнула.

— Ну, моего дитя ты привелъ тутъ напрасно... совершенно напрасно! сказала она и сердито понюхала табаку.

Михайло Евпловъ тоже сконфузился, видя, что не думая и не желая того, онъ проврался.

— Это точно что-съ... проговорилъ онъ и переступилъ съ ноги на ногу.

— Ежели ты опять тоже будешь дѣлать, опять тебѣ тоже будетъ!... обратился покойный отецъ снова къ парню гораздо уже подобрѣе, но все еще, видно, желая втолковать ему, что онъ виноватъ.

Парень пораспустился.

— Мнѣ бы, бачька, Филатъ Гаврилычъ, въ раздѣлъ охота идти-съ! произнесъ онъ и произнесъ какимъ-то необыкновенно наневнымъ голосомъ.

*

Всѣ мускулы въ лицѣ отца подернуло. Я видѣлъ, что онъ страшно вспылить.

— Не позволять вамъ того! больше прошипѣлъ онъ, чѣмъ проговорилъ, между тѣмъ какъ щеки и губы его дрожали: казеннымъ крестьянамъ велятъ дѣлиться?... велятъ? спрашивалъ онъ, обращая на парня страшный взглядъ.

Михайло Евпловъ грустно усмѣхался.

— Да прикажете; пускай попробуютъ... мякины-то отродясь неѣдали, а тутъ можетъ и отвѣдаютъ... Теперь какой-нибудь овинишко въ двадцать сноповъ съ своей благовѣрной измолотятъ, лопать-то придутъ, въ чашку ваятъ, сколько только чрево стерпитъ.

— Что жъ ты ихъ, кускомъ ужъ хлѣба попрекаешь? вмѣшалась въ разговоръ опять матушка.

Михайло Евпловъ сейчасъ же перемѣнилъ тонъ.

— Не попрекаю я, сударыня, нѣтъ-съ! отвѣчалъ онъ кротко: ни въ чемъ имъ отъ меня запрету нѣтъ,—ни въ пицѣ, ни въ одежѣ, ни въ гуляньяхъ. Пусть скажутъ, въ чемъ имъ, хоть сколько ни есть, отъ меня возбранено.

— Ну, да! въ чемъ вамъ отъ него возбранено? повторилъ за нимъ и отецъ.

Тимофей жалобно и стыдливо посмотрѣлъ на него.

— Не могу я, бачька, про то сказывать-съ, отвѣчалъ онъ и какъ-то странно засеменилъ руками.

— Отъ чего не сказывать?—говори!.. сказалъ отецъ настойчиво.

Михайло Евпловъ какъ-будто бы слегка вспыхнулъ.

— Выдумать да наболтать, пожалуй, всякихъ пустяковъ можно... произнесъ онъ:

Тимофей молчалъ.

Матушка на этомъ мѣстѣ встала и вышла. Отцу тоже, видно, была не совсѣмъ легка эта сцена.

— Ну, ступайте! сказалъ онъ, закидывая, по обыкновенію, глаза въ сторону.

Михайло Евпловъ однако не трогался. Онъ, кажется, пережидалъ, чтобы первый пошелъ сынъ. По лицу Тимки мнѣ показалось, что онъ хотѣлъ что-то сказать, но не смѣлъ-ли

или не хотѣлъ этого сдѣлать, только круто повернулся и пошелъ.

— Вы ужъ, батюшка, сдѣлайте милость, прикажите, чтобъ и супружница его слушалась и не фыркала... сказалъ Михайло Евпловъ.

— Чтобъ и супружница слушалась — слышь! повторилъ отецъ, грозя Тимкѣ пальцемъ.

Но тотъ ничего не отвѣчалъ, и я слышалъ, что онъ сердито хлопнулъ въ лакейской дверями.

Михайло Евпловъ постоялъ еще нѣсколько времени, покачалъ въ раздумьѣ головой и проговорилъ:

— Такой этотъ нынче молодой народъ сталъ, что срамъ только одинъ съ нимъ.

Но видя, что отецъ ничего ему не отвѣчаетъ, онъ тоже повернулся и пошелъ; но залу сталъ проходить медленно, не торопливо и все точно къ чему-то прислушиваясь.

II.

Прошло времени недѣли съ двѣ. Мы ужинали. Отецъ (онъ все это время былъ замѣтно въ дурномъ расположеніи духа и теперь кидающій то туда, то сюда свой безпокойный взглядъ)—вдругъ поблѣднѣлъ и, проворно вставая, проговорилъ:

— Оомкино горитъ!

Мы взглянули по направленію его глазъ: всѣ наши окна были заняты заревомъ.

— Батюшка, можетъ быть, это овинъ! хотѣла было успокоить его матушка.

— Вся деревня, сударыня, въ огнѣ!.. Выдумала!.. лошадь мнѣ! кричалъ старикъ, проворно сбрасывая съ себя халатъ.

Матушка сама стала ему подавать одѣваться: горничная прислуга вся ужъ разбѣжалась по избамъ, чтобы поразузнать и поохать насчетъ пожару. Въ залу вошелъ нашъ прикащикъ

Кирьянъ, со своей обычной не совсѣмъ умной и озабоченной рожей и теперь совсѣмъ опѣшавшій отъ страху.

— Въ Оомкинѣ несчастье—съ! проговорилъ онъ.

— Людей туда!.. лошадь мнѣ! говорилъ батюшка, застегивая дрожащими руками свой полевой чепанъ.

Мнѣ тоже захотѣлось съѣздить на пожаръ.

— Папаша, возьми меня! запросился я.

— Перестань, пащенокъ! прикрикнулъ было на меня старикъ.

Но я не отставалъ:

— Папаша, возьми!

— Ахъ ты!.. Ну, поѣзжай!

Онъ вообще любилъ нѣсколько геройскія съ моей стороны выходки; но матушка напротивъ:

— Алексѣй, что ты хочешь со мной дѣлать?.. Попадаи ты меня хоть сколько—нибудь! сказала она въ одно и тоже время строгимъ и умоляющимъ голосомъ.

Но я уже почти не слышалъ ее: выбѣжавъ на улицу, и вида, что поваренокъ Гришка велъ осѣдланную лошадь, я отнял ее у него и сейчасъ же на нее взгромоздился. Со стороны отъ Оомкина слышался наносимый вѣтромъ безпорядочный звонъ набатнаго колокола. Черезъ нѣсколько минутъ привели и отцу бѣговья дрожки. Точно молоденькій мальчикъ, онъ проворно, хотъ и тяжело, опустился на нихъ. Человѣкъ шесть дворовыхъ людей было около насъ верхами. На крыльцѣ появилась матушка.

— Возьмите Неопалимую Купину, что вы, на кого надѣетесь? сказала она.

Кирьянъ подѣхалъ къ ней и принявъ у нее образъ, положилъ его, перекрестясь, за пазуху. Пока мы съѣзжали со двора, матушка не переставала насъ крестить волѣдъ. Проѣхать намъ надобно было версты двѣ—три лѣсомъ. Ночь была осенняя, темная. Несмотря на колеи и рытвины, отецъ погналъ свою лошадь что есть духу. Мы скакали за нимъ. По всѣмъ направленіямъ отъ насъ раздавался топотъ нашихъ лошадей и слышались шлепки летѣвшей изъ подъ копытъ ихъ грязи. Рядомъ же съ нами, и нисколько не отставая, бѣжалъ въ прыпочку спѣшенный мною съ лошади Гришка по-

варенокъ и бѣжалъ, надобно сказать, сохраняя ужасно гордый видъ, который былъ данъ ему какъ бы отъ природы, вслѣдствіе покривленнаго въ дѣтствѣ позвоночнаго столба.

— Ату—ату его! травилъ его кучерь Петръ, доставая въ спину вѣтвиной.

— Это онъ на дымокъ бѣжить... поварская душенка: услыхалъ, что гарью—то пахнетъ, замѣтилъ ткачъ Семень.

По другую сторону дороги шель болѣе солидный разговоръ.

— Въ сѣнникѣ у Евплова загорѣлось и пошло, братецъ ты мой, вить, Боже ты мой! говорилъ Кирьянъ.

— Ишь-ты, поди, гдѣ грѣху—то быть! отвѣчалъ ему на это басомъ и со вздохомъ другой голосъ.

Набатъ становился все слышнѣе и слышнѣе. Сколько не печальное ожидало насъ впереди зрѣлище, но, при этомъ быстромъ скаканьи на лошади, въ глухую ночь, въ лѣсу, при этомъ хлопаньи воротецъ, которыя кучерь Петръ на всемъ маху, не слѣзая съ лошади, отворялъ и также быстро отпускалъ ихъ, мое дѣтское сердце исполнилось какой—то злобой радостью: мнѣ такъ и хотѣлось битвъ, опасностей и побѣдъ. При въѣздѣ въ открытое поле—первое, что представилось намъ, это—стоявшая нѣсколько поодаль отъ селенія, на совершенно темномъ фонѣ, бѣлая церковь, освѣщенная пожаромъ до малѣйшихъ архитектурныхъ подробностей и съ блистающими красноватымъ свѣтомъ главами и крестами. Пламя выходило почти изъ половины деревни и, склоняемое вѣтромъ, уже зализывало огромными языками близъ стоящія къ нему строенія. Вверху надъ всѣмъ этимъ клубился сѣроватый дымъ, въ которомъ летали чего—то огненные куски и кружились какія—то бѣлыя птицы. Въ самомъ селеніи передъ пламенемъ мелькали черныя фигуры мужиковъ и бабъ. Отовсюду слышался шумъ и гамъ, сливавшійся со звономъ колокола. Сидѣвшія около вынесенныхъ на средину улицы пожитковъ старухи и ребятишки выли и ревели. Выгнанная изъ хлѣвовъ скотина: коровы и лошади, всё столпились въ кучку и замѣтно подъ вліяніемъ какого—то непонятнаго для нихъ страха прижались къ церковной оградѣ,—однѣ только дуры овцы, тоже скучившіяся въ од—

но стадо и кинувшіяся было сначала прямо на огонь, но шугнутыя оттуда двумя-тремя взвизгнувшими бабенками, неслись теперь далеко, далеко въ поле. Передъ сгорѣвшимъ почти уже въ половину домомъ Михайла Евплова была цѣлая толпа людей и они не унимали пожара, а на что-то такое, другъ черезъ дружку, заглядывали, и нѣсколько голосовъ говорило: «полно!.. перестань!.. старый!» Посреди всего этого раздавалось: «пустите!.. пустите!»

Мы быстро подѣхали: это Михайло Евпловъ рвался изъ рукъ двухъ нашихъ мужиковъ. Спокойной наружности въ немъ и слѣда не оставалось: онъ былъ въ одной разорванной рубахѣ, босикомъ, съ обезумѣвшими глазами и съ опаленными всклооченными волосами.

— Что такое? спросилъ отецъ.

— Въ огонь рвется... сгорѣть хочетъ, отвѣчалъ одинъ изъ мужиковъ.—О, дьяволъ какой здоровый! прибавилъ онъ, гробоздая снова старика за воротъ, который тотъ было у него вырвалъ.

— Оттащите его подальше, въ лѣсъ, приказалъ отецъ.

— Батюшка, пусти!.. пусти!.. кричалъ Михайло Евпловъ. Но мужики его потащили. Сдѣлавъ еще разъ тщетное усиліе вырваться у нихъ, онъ завопилъ какъ дикій звѣрь, и вцѣпился зубами въ собственную руку; кровь фонтаномъ брызнула изъ подъ его рта и усовъ. Мужики отвели ему эту руку назадъ за спину и продолжали его тащить.

— Батюшки! у Матрены Лукояновны ужъ загорѣлось! раздавался пронзительный женскій голосъ.

Всѣ бросились туда.

Покойный отецъ тоже проворно соскочилъ съ дрожекъ и потомъ, ужъ я незнаю какъ это и случилось при его полнотѣ, вдругъ очутился на крышѣ этой самой избы.

— Снимайте кафтаны, мочите ихъ и давайте сюда! командовалъ онъ оттуда.

Первый бросился ему помогать самый бѣдный изъ всей деревни мужикъ Спиридонъ, по фамиліи, Кутузовъ. Собственная изба его давно уже сгорѣла и онъ, кажется, изъ нее и вынести ничего не успѣлъ; но несмотря на то, нисколько не потерявшись, началъ онъ усерднѣйшимъ образомъ пода-